

**Отзывы о книгах Светланы Потаповой, Юрия Вронского, Нины Дашевской
(12+)**

*Рецензии на прочитанные книги из библиотеки
[«Кузнецкая»](#).*

Автор рецензий: З. Кривоусова,

июль 2019 г.

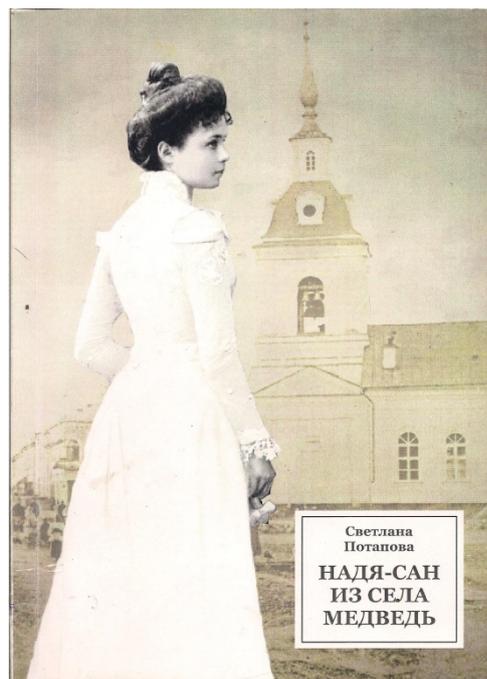

В новом обзоре расскажу о совершенно разных книгах, прочитанных мною впервые.

Одна из них – «старинка» – недавно переизданная **«Юрьевская прорубь» Юрия Вронского.**

Вторая – **«Я не тормоз» Нины Дашевской** – вышла из печати три года тому назад.

З.А две книги писательницы из Великого Новгорода **Светланы Потаповой**, с которой я познакомилась совсем недавно, – **«Надя-сан из села Медведь»** и **«Ремонт»** – совсем «свеженькие», с них и начну.

«Надя-сан из села Медведь» (Великий Новгород: Изд-во НГУ, 2018) – уже почти стала библиографической редкостью, поскольку тираж её всего 100 экземпляров. Надеюсь, будет в скором времени переиздание, которого книга, безусловно, заслуживает.

Поздаголовок – «историко-художественный лингвистический роман» вполне оправдан, поскольку в основе произведения лежат подлинные исторические факты, органично сплетающиеся с художественным вымыслом, а в языке сочетаются литературный и диалектный пласты. Удачно выбранное заглавие задаёт тон повествования: и стилевой, и сюжетно-композиционный, – от которого писательница не отступает ни разу. Название представляет читателю главную героиню именно в том статусе, в котором её характер раскрывается в романе.

Учительница Надя Карпова в самом деле жила в селе Медведь, о ней мало что известно, но существует веер (в книге есть фотография), подаренный ей японским военнопленным Масакадзу Хигаки и переданный ею в 1965 году в сельский музей. История отношений русской девушки и японца переплетается с линией безответной любви к Наде Мити Поликалова, уход за которым она берёт на себя, когда он возвращается с войны беспомощным калекой. Автор держит читателей в напряжении, умело связывая множество человеческих судеб: японцев и русских, купцов и их жён, интеллигентов, разночинцев, рядовых обывателей.

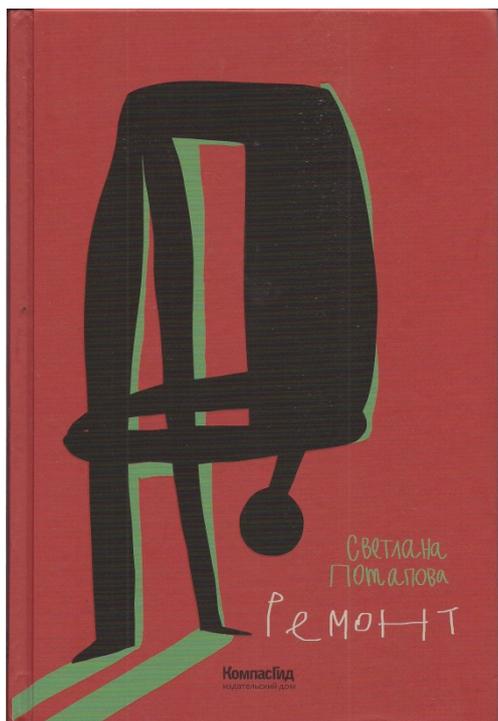
В романе широко представлены женские образы: это и простые сельские жительницы, и образованные молодые купеческие жёны, и Катерина Курочкина, в которой Надежда Карпова открыла талант актрисы. Главное место, конечно, занимает сама Надя, – именно она связывает все сюжетные линии, как исторические, так и бытовые, как реальные, так и вымышленные. Светлый образ, созданный Светланой Потаповой, сочетает лучшие черты русских женщин: чистоту чувств и верность долгу, способность к состраданию, поиски правды, справедливости и желание открыть в людях лучшее, что в них есть. Именно эти качества увидел, оценил и полюбил в русской учительнице японец, поэтому, вероятно, в заглавии её имя звучит так, как уважительно называл её Масакадзу Хигаки: Надя-сан.

Роман невелик по объёму, всего 180 страниц печатного текста, но это именно роман. И многонаселённость, и историческая протяжённость (от 1904 года до наших дней), и достаточно сложная сюжетно-композиционная организация, – всё подтверждает верность выбранного жанра.

Текст романа дополнен документальными материалами: фотографиями прототипов некоторых героев и подлинными снимками японских пленных. Отбывавших наказание в селе Медведь, фотографиями людей, занимающихся в настоящее время этой историей, изображениями зданий, о которых идёт речь в романе, репродукцией лубочной картинки и картами русско-японской войны 1904-1905 гг. Заслуживает особой похвалы бережное отношение к документам, как в самом произведении, так и в описании прилагаемых материалов. Постраничные комментарии, объясняющие значения слов, предметов, исторических имён и фактов, помогут понять содержание романа даже тем, кто не силён в истории. Прокомментирована и вынесенная на обложку фотография. Это – не надежда Карпова, это – Елизавета Кологривова, однако тип девушки 1900-х годов выбран так удачно, что однозначно соотносится с образом главной героини произведения.

Вообще книга поражает выверенностью и органичностью. Так, в эпилоге ненавязчиво определяется возрастной адрес: учитель Виктор Николаевич Иванов (подлинный человек, занимающийся раскопками надгробных плит японских военнопленных, умерших в селе Медведь) отвечает на вопросы *подростков*, прочитавших книгу. Учитель-рассказчик посвящает слушателей в события давнего и недавнего прошлого, связывая вроде бы далёкие эпохи. Такой подход помогает современным читателям осознать единство исторического времени и пространства, понять, что у людей разных национальностей и культур много общего. И оказывается, что происходившее 112 лет (больше века!) тому назад, – совсем рядом и очень актуально сегодня.

Эту книгу с разрешения автора я передам в библиотеку «Кузнецкую». Очень хочется, чтобы её прочитали *учителя, подростки, их родители, бабушки и дедушки.* Мало знакомая страница нашей истории, русско-японская война, откроется читателям романа **Светланы Потаповой «Надя-сан из села Медведь»** во всей полноте, противоречивости и через личные судьбы людей.

Вторая книга

Светлана Потапова «Ремонт» (М.: КомпасГид, 2019). Это современная психологическая проза для старшеклассников. В книгу вошли две повести: первая – **титульная**, давшая заглавие книге в целом, вторая называется **«Она была похожа на инопланетянку»**.

Оба произведения острые, жёсткие. Оба касаются больших вопросов семейных и межличностных отношений. Оба произведения написаны от первого лица. При этом героини повестей на первый взгляд, не похожи друг на друга, хотя мне кажется, у них много общего.

Главная героиня **«Ремонта»** – девятиклассница Люся, презирающая свою мать-нищенку, стыдящаяся её, изо всех сил стремящаяся отгородиться от этой женщины. Впрочем, повесть начинается парадоксально, с конца, сюжет не совпадает с фабулой. Первый абзац – как удар электрического тока: «Мы трое стоим на балконе, держимся за руки и с открытыми ртами смотрим вниз. Снизу всё, наверное, выглядит как банальное подростковое групповое самоубийство» [С. 5]. А дальше – до оторопи откровенный рассказ Люси о жизни с матерью, об отношениях с ней. Хамский тон, в котором содержание соответствует форме, когда кажется, что до мата остался один шаг или даже меньше шага. И как результат – отселение Люси в квартиру умершей бабушки-алкоголички, попытка наладить там свою жизнь, в чём ей помогают такие же неприкаянные одноклассник по прозвищу Чебурашка и его сосед Пашка, учащийся строительного колледжа. Втроём они и затевают ремонт.

В этой повести есть всё: и «вписка» (линия более чем обеспеченных Сабрины и Кинга), и школа, которую мы видим глазами Люси, и ханжа Оля, знакомая матери Люси, и родители Чебурашки, и рассказ о судьбе семьи Пашки. Читать произведение местами страшно (особенно людям старшего поколения, мало знакомым с реалиями жизни современных подростков и старшеклассников), но оторваться невозможно,

потому что это всё – про нас. Ремонт – это не только попытка изменить облик запущенной квартиры, но и стремление героев повести, прежде всего, Люси, разобраться в себе. Это ремонт, исправление чувств.

И для читателей это тоже ремонт. Для взрослых – возможность взглянуть на себя, на свои поступки с другой точки зрения, для ровесников персонажей – увидеть себя со стороны и понять родителей, для тех и других – возвращение к исходному пункту, когда не было ещё никаких наслоений, никакой грязи, а были только взаимные любовь и доверие. Это такая чистка, после которой ненавистная, презираемая прежде женщина вновь становится мамой, «которая спасла нам сегодня жизнь» [с. 86], потому что «получила от дочери по телефону сообщение «Помогите».

Что к этому добавить? Несмотря на жёсткие язык и ситуации, героиня повести Светланы Потаповой «Ремонт» вполне целомудренна, неглупа и способна на добрые чувства и поступки.

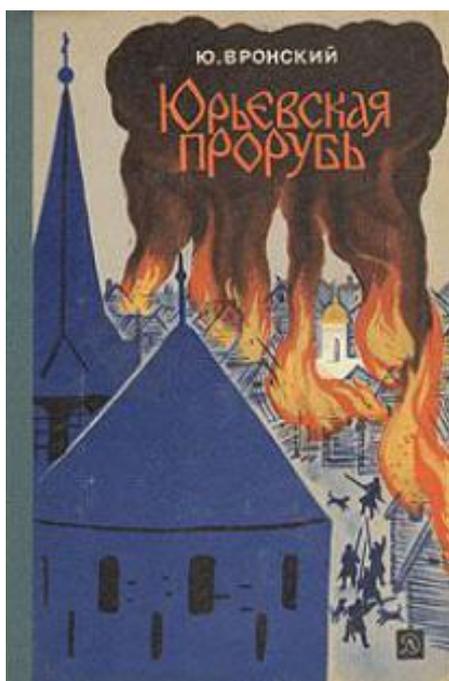
Во второй повести, включённой в книгу (**«Она была похожа на инопланетянку»**), шестиклассница Лена рассказывает о себе и о Лере, с которой свела её жизнь. Лена – скромная, стеснительная девочка со множеством комплексов. У неё *нормальная*, то есть внешне вполне благополучная семья, в которой «мама становится мобильным приложением к папе», а папа не знает, о чём говорить с дочерью. Всё беседы сводятся к дежурным вопросам: «Как в садике?», потом «Как в школе?», а родители «обычно <...> вдвоём валяются вечерами на диване и смотрят телик» [с. 92].

Но рассказ Лены не столько о себе, сколько о Лере, с которой она познакомилась в «модельном агентстве», куда попала после неудачных попыток ходить «и в музыкалку, и в художку... ну и дальше по списку» [с. 95].

Лера живёт с родителями в «суперской» квартире, у неё «стильная» комната, она утверждает (да это так и есть), что ей купят всё, что она захочет, потому что она у родителей «единственная и любимая». С подростковым цинизмом она рассказывает Лене, что её мама не любит и никогда не любила папу, вышла за него, потому что поняла, что он «крутой», что у него всегда будут деньги» [с. 105]. При доступности всего или почти всего Лера глубоко несчастна, одинока,

не нужна ни отцу, ни матери, ни красавцу Алексу. Трагический финал её жизни – смерть от истощения – становится метафорой недостатка духовного питания, которого лишили девочку занятые собой родители. Смерть Леры отрезвляет маму Лены, понимающую, что голод общения, недостаток душевной близости между родителями и детьми может привести к *точке невозврата*, завершиться трагедией, которую пережили родители Леры.

Если выбирать *главный признак* прочитанных мною произведений **Светланы Потаповой**, то я бы определила это как *качество*. Высокое качество слова, плотность текста, отсутствие «воды». Кроме того, качественно сработанные характеры персонажей, продуманная сюжетно-композиционная организация текста, сочетающая увлекательность и познавательность, и, безусловно, верно поставленная воспитательная задача.

«Старинка» – недавно переизданная «Юрьевская прорубь» Юрия Вронского – историческая повесть (М.: Детская литература, 1971) адресована читателям младшего школьного возраста, однако признаюсь, что я, человек взрослый и искушённый, прочла её на одном дыхании. Как и в большинстве такого рода книг, в основе повествования лежат подлинные события, происшедшие в городе Дерпте (современном Тарту).

Собственно тексту предшествует небольшое вступление, в котором автор рассказывает историю этого города, после прочтения которой становится понятен смысл названия произведения. Увлекательная повесть знакомит читателей с жизнью людей разных национальностей, населявших Дерпт во второй половине XV века: с их бытом, занятиями, взаимоотношениями, верованиями. Доступное изложение достаточно непростого материала сочетается с научным подходом к нему и художественной формой его изложения.

Центральная сюжетная линия – история дружбы двух мальчиков: немца Мартина и русского Николки. Выбор главных героев позволяет писателю показать жизнь города глазами ровесников читателей. Ничто не ускользает от взгляда мальчишек, поэтому именно они помогают уберечь от разорения Псков. Спасение этого русского города от вражеского набега оборачивается трагедией для жителей Русского конца Дерпта. Совершённая над русскими людьми в Праздник Крещения жестокая казнь полна трагизма, но в то же время лишена кровавых подробностей. Завершается книга Заключением, обращённым к возникшим вокруг этой истории и до сих пор живущим в народе легендам, а также рассказом о дальнейшей судьбе Мартина.

Повесть Ю. Вронского открывает перед нами ещё одну неизвестную широкому кругу читателей страницу истории становления русского государства.

Повесть **Нины Дашевской «Я не тормоз»** (М.: Самокат, 2016) вышла в серии *«Встречное движение»* и адресована читателям *среднего и старшего школьного возраста*. На мой взгляд, она может быть интересна *10-14-леткам*.

Книга – своеобразный монолог семиклассника Игната, не представляющего себя вне движения. Герой – типичный городской подросток со всеми плюсами и минусами возраста и нынешнего времени: расторможенный, непоседливый, освоивший все современные средства передвижения, неглупый, но и не отличник, умеющий дружить и ценить дружбу, живущий в полной семье (мама, папа, младший брат Лёва), в которой вполне адекватные и любящие детей и друг друга родители по большей части заняты своими делами.

Заслуга автора, мне кажется, состоит в умении за внешней суетой увидеть внутренний мир подростка, а также тех, кто его окружает. Игнат открывает читателю простую истину: скорость и торопливость не синонимы. Как бы не спешил человек, если только он, в самом деле, *человек*, остановится, чтобы помочь упавшему инвалиду, выслушать и понять другого, будь то взрослый или малыш, навестить бывшую классную руководительницу.

Писательница создала образ типичного современного подростка, имеющего страницу ВКонтакте и смартфон, передвигающегося на скейте, самокате, роликах и велике, и в то же время читающего Стругацких и сочиняющего странные стихи. Характер Игната вполне проявляется в заглавии произведения. *«Я не тормоз»*, – не только жизненное кредо героя, живущего на пределе скоростей, но ставшее устойчивым выражение, смысл которого «я не дурак, я всё понимаю», – означает способность вовремя остановиться и внимательно оглядеться вокруг.

Повесть Нины Дашевской, на первый взгляд, кажется непритязательной, вроде бы ничего в ней нет особенно интригующего, но мне кажется, именно такие произведения нужны нынешним подросткам. Да и взрослым тоже.